

Красный Архив

том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К77

К77 Красный Архив: том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 294 с.

ISBN 978-5-517-92884-9

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1922 года. В конце книги присутствуют страницы очень низкого качества, восстановление текста ни возможно.

ISBN 978-5-517-92884-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие.

Дневник А. И. Куропаткина, бывшего военного министра Николая II и главнокомандующего русской армией в Маньчжурии в 1904—1905 годах, печатается нами с копии, по всем данным вполне точной, К сожалению, копия содержит в себе лишь часть дневника—с 17 ноября 1902 года по 7 февраля 1904, день назначения Куропаткина командующим маньчжурской армией ¹⁾.

О том, что Куропаткин ведет дневник, было широко известно в петербургских кругах. Повидимому, он охотно читал выдержки из него своим знакомым, при чем не все оставались одинаково довольны тем, что они находили там о себе ²⁾. Знал о дневнике и Николай II. Знал настолько, что Куропаткин при разговорах с царем ссылался на свой дневник, как на своего рода документ (см. запись под 19 августа 1903 г.). По словам Витте, отдельные тетрадки дневника бывали и в руках у Николая. Все это достаточно объясняет ту настойчивость, с которой после революции спешили изъять дневник из ненадлежащих рук. Подлинник его хранился в московском архиве военного ведомства (Лефортовском), вместе с другими бумагами Куропаткина: все было сдано им в архив при отъезде его на империалистскую войну, в 1915 году. В январе 1918-го в архив явился бывш. член военного совета, ген. Нищенков, снабженный (увы!) соответствующими полномочиями от военных властей, и увез из куропаткинских бумаг—только дневник. Все прочее осталось в неприкосновенности: дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни. Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше «военных действий», чем какой бы то ни было русский генерал нашей эпохи, кончил, для такой карьеры, весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где он скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя.

Есть все основания думать, что Нищенков действовал по поручению более крупных и ответственных белогвардейцев, нежели превратившийся в заурядного обывателя автор дневника. Разоблачающее значение куропаткинского дневника отнюдь не в том, чего боялись копронованные «хозяева» в записках Витте, например. У Куропаткина и

¹⁾ Всего в распоряжении редакции имеются копии четырех тетрадей, помеченных №№ 16, 17, 18 и 19.

²⁾ См. гр. С. Ю. Витте, Воспоминания, I, стр. 141.

следа нет той ядовитой критики всего, что не им или «не по его» сделано, критики, которая так блестяща, а иногда и так надоедлива у родоначальника винной монополии в первый период своего министерского существования и русской конституции в последний. Куропаткин—преданный холоп, способный умилиться даже тем, как в. кн. Ольга, сестра Николая, «больно укусила государя своими белыми зубами за руку»: эта выходка августейшей вырожденки тоже удостоилась занесения в дневник... И именно этой наивной преданностью он ужасен. Все глупости и подлости, сказанные при нем «обожаемым монархом», воспроизведены с такой же благоговейностью: в итоге получается такой букет, что даже знаменитое собрание речей Николая перед ним пасует. А это собрание более умные романовские холопы не даром поспешили уничтожить, едва оно показалось на свет.

Вот маленькие образчики того, что получается из верноподданнической добросовестности генерала Куропаткина. Запись под 14 апр. 1903 г.: «Перед отъездом сидел у меня час времени В. К. Плеве. Говорили о беспорядках в Кишиневе и Кронштадте. Как и от г о с у д а р я, я услышал от Плеве, что е в р е в с л е д о в а л о п р о у ч и т ь, что они зазнались и в революционном движении идут впереди». Можно после этого сомневаться, что Кишиневский погром был организован Плеве с ведома и согласия Николая?

Или вот еще запись от 31 августа того же года. Николай «говорил о разных национальностях в нашей армии. С доверием относится к шагометанам. Не верит особо полякам. Несколько брезгливо относится к белоруссам (!) и вполне презрительно к евреям». Разве это не программа «национальной политики» царствования—если не двух царствований, ибо в этом более, нежели в чем-либо другом, Николай был сыном своего отца?

Больше всего, естественно, военный министр мог запечатлеть штрихов из области в и е ш н е й политики, ближе всего его касавшейся. Дневник прежде всего дает понятие, как глубоко уходят в прошлое корни империалистской войны. Уже в 1902 году (запись 17 ноября) вполне практически ставился вопрос о западном фронте, точнее о двух фронтах, германском и австро-румынском (Румыния рассматривалась тогда, как входящая в орбиту тройственного союза). Первым должен был командовать Николай Николаевич—главкомверх 1914 года, вторым—Куропаткин. К этой теме он и царь возвращались неоднократно, при чем война все время рисовалась обоим, как дело совершенно неизбежное, вопрос только во времени. У Куропаткина это было вполне искренно и серьезно. Насколько то же было со стороны Николая? Тут проскальзывают местами сомнительные ноты... «Вильгельм,—говорил царь,—в последнее наше свидание так был дружески расположен ко мне и к России, как никогда. Он и не скрывал причины: его тревожит Англия, а еще более Америка». Государь прибавил, что Америка и его тревожит... (запись под 9 декабря 1903). Эту тенденцию замечал и министр иностранных дел. «Он, Ламедорф, видит, как государя подталкивают к войне (с Японией) даже со стороны Германии. Вильгельм все справляется, цел ли еще Безобразов, ибо это—их надеж-

ный союзник» (запись от 11 декабря). Но у Вильгельма был и другой союзник в этом вопросе—или, по крайней мере, была очень послушная ученица, стоявшая союзника. Когда Куропаткин попробовал припугнуть Александру Федоровну перспективой европейской войны, в которой мы уменьшаем наши шансы, перебрасывая силы и средства на Дальний Восток, «государыня выразила уверенность, что до европейской войны не допустят, но что теперь страшно нашествие желтой расы и что ей надо дать отпор и пр.» (запись под 21 августа 1903).

Что все это было лишь идеологической драпировкой карманных интересов дома Романовых, видно из дневника тоже достаточно ясно. «Главным образом государь держится за Ялу и не хочет соглашаться, чтобы это предприятие стало совершенно частным» (12 авг. 1903). Во имя этого велась двойная игра, Алексеев намеренно затягивал переговоры с Японией (запись под 24 ноября 1903), царь особым шифром переписывался с Безобразовым (запись 16 февраля) и т. д. Для характеристики самого Безобразова, в этот момент форменного «временщика», дневник тоже дает драгоценные черточки. Чрезвычайно характерно для этого личного доверенного Николая его стремление к союзу... с хунхузами. На их благосклонном содействии вертелся, в конце концов, весь его план (1 декабря 1902). Это не то, чтобы было очень важно—хунхузы (хотя и нанятые формально, в виде «артели») все же не помогли,—но ставит в надлежащие психологические рамки сотрудничество Николая с уголовными элементами во время погромов 1905 г.

Ничто другое так не оправдывает эпитет «авантюра», давно прилегающий к дальневосточной политике Николая, как эти страницы дневника его преданного холопа. И ни откуда так не ясно, что «предприятие на Ялу» было в сущности только ширмочкой, за которой скрывались неизмеримо более грандиозные планы. Чтобы придать этой декорации более реальный вид, покупали лес... у американцев (запись под 26 ноября 1903). Захватить имели в виду в с ю Корею—фактически же захватнические планы Николая шли гораздо дальше и этого. Но соответствующее место дневника так важно, что его надо привести целиком.

Беседуя однажды с Витте (эти беседы двух министров проходили чаще всего... в манеже: Витте был страстный любитель верховой езды, а Куропаткин упражнялся в ней, так сказать, по должности), Куропаткин так резюмировал свои впечатления от Николая. «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры. Поэтому государь и хитрит с нами, но что он быстро креннет опытностью и разумом, и по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчи-

вость в характере, скоро сбросит с себя подпорки, вроде Хлонова, Мещерского и Безобразова, и будет прямо и твердо ставить нам свое мнение и свою волю.—Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу...» (запись под 16 февраля 1903 года).

Присоединение Витте к этой характеристике едва ли было искренним—из записок этого, тоже в своем роде «верного слуги» самодержавия, мы знаем, какого он был мнения об уме и способностях «возлюбленного монарха». Но ограниченность Николая несколько не делает менее вероятными те тенденции его внешней политики, характеристика которых у Куропаткина, по всей вероятности, просто представляла собою резюме его почти ежедневных разговоров с царем. Конкретные примеры мы находим в этой же части дневника. 3 января 1904 года (всего за три недели до начала японской войны!) Куропаткин докладывал Николаю «о посылке калмыка, подъясаула Уланова, в Тибет—разузнать, что там делается, и особенно, что там делают англичане. Государь соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветовать Уланову разжечь там тибетцев против англичан. О таком приказании государь сказал, чтобы я не говорил Ламсдорфу» (министру иностранных дел).

Вот и еще одна авантюра,—не доведенная до конца только потому, что японцы помешали. Какими мелкими при свете таких «разоблачений» кажутся старые газетные объяснения японской войны желанием Плеве «отвлечь внимание от внутренней политики» и т. под. Наличие таких желаний у Плеве неопровержимо доказывается тем же дневником,—но они сыграли роль лишь последнего камешка, обрушившего давно скопившуюся лавину. Если сводить дело к субъективным объяснениям, суть была не в этом, суть была в том империалистическом авантюризме, который жил в крови последнего представителя династии. Николай жадно тянул руки ко всему, что, казалось ему, плохо лежит: ограниченность его сказывалась в том, что он не умел разобрать, что именно плохо лежит, и больно получал по рукам...

М. Покровский.

Дневник А. Н. Куропаткина.

№ 16.

С 17 ноября 1902 г. по 6 марта 1903 г.

17 ноября 1902 г.

Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Никол(ая) Никол(аевича). Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Ник(олай) Ник(олаевич) был главнокомандующим войск германского фронта, а я—главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Ник. Ник. говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилась воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ, или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Ник. Ник. сказал мне, что на должность нач-ка своего штаба он преднаметил Палицына: я его давно знаю и мы друг друга дополняем. Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Ник. Ник. относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению,

следует переменить. Но Ник. Ник. стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червонноборской позиции, и отступить к Барановичам или Минску.

Виделся с С. Ю. Витте. Говорили о Сипягине. Передал мне, что когда убили Сипягина, наследник приехал в свою батарею и разговаривал с офицерами. Один из них сказал ему, что жаль, что употребили такое средство, но что Сипягин заслужил это. Будто наследник отвернулся и сказал: «Вам не следовало бы говорить это наследнику».

Сидел у Обручева. Я говорил ему, что полк. Мулен составляет в Париже новое соглашение с Францией против Англии и указывал на опасность для нас новых соглашений. Говорил, что с Англией у нас нет поводов иметь войну, а таковые у Франции и Германии есть, но что мы более других угрозою движения к Индии страшим Англию. При этих условиях мы будем поставлены в возможность нести тяжкие жертвы для интересов других.

Обручев передал мне, что в год поездки на большие маневры в Германию и Австрию, кажется в 1897 году или в 1896 году, он говорил с гр. Муравьевым о возможности коалиции Германии, Франции и России против Англии. Что Муравьев обещал этот вопрос изучить. Что Вильгельм на маневрах намекал ему, Обручеву, как бы он был рад такому соглашению, что его мечта прописать Англии мир в Лондоне. В бытность в том же году в Париже Обручев виделся с Фором и сообщил ему свои мысли. Что Фор ответил, что вопрос этот достоин изучения.

Я указывал Обручеву, что более всего боюсь, как бы французы, получив отпор от нас, не обратились к Германии для соглашения с нею против Англии. Что этим актом совершенно ослабится значение нашего договора с Францией.

Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен.

Обручев говорил еще, что у них в Море (их имени во Франции) был Андре, французский военный министр. Вспоминал обо мне. Ждет меня во Францию. Производил расследование о нескольких умерших во время маневров французских солдатах.

28 ноября.

Празднуем 25-летие освободительной войны. По моему предложению, государь издал приказ по армии и флоту. 140 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну, производятся в подполковники.

Сейчас сидел у меня министр юстиции Муравьев. Смотрит на дела мрачно. Недоволен холодностью к нему государя. Прежде, по

его словам, отношения были иные. Испортились со времени назначения Сипягина министром. Он, Муравьев, был в числе кандидатов в министры внутренних дел. Очень, повидимому, хотел этого. Прозрачно высказывает подозрение, что его провалил Витте. Отсюда, думаю, идет нескрываемая ненависть Муравьева к Витте. Муравьев жалуется на недоверие к министрам государя. Говорил: государь хочет знать истину, но ищет ее по корридорам, по закоулкам, слушает разных Хлоповых ¹⁾ и т. д. Если не верить тому или другому министру, то надо сменить его—это правильное.

По его, Муравьева, словам, программа действий на будущее должна бы заключать в себе четыре пункта:

- 1) Сменить Витте.
- 2) Заняться улучшением положения рабочего населения России.
- 3) Вернуть доверие земству.
- 4) Начать допускать земских людей (людей от земли—говорил Муравьев) к участию в том или другом виде в обсуждении государственных дел.

29 ноября.

Странное мы переживаем время. Смута растет. Растет и общее недовольство. К сожалению, с разных сторон доходят сведения, что это недовольство распространяется и на личность государя. С глубоким сочувствием и любовью относятся к личности царя, но удивляются и печалются теми разноречиями, кои происходят в действиях правительственной власти. Очень ненавидят советников штатных и нештатных государя (Мещерские, Победоносцевы, Александр Михайлович, Хлоповы, Филиппы и т. д.).

Мне дело представляется так:

Россия должна управляться при гармоничном развитии трех сил: бюрократии, дворянства, земства. Это наши три кита. Армия должна охранять внешние пределы России. В действительности дело стало иначе. Бюрократия с Витте и Сипягиным во главе стала доминировать и все силы направила, дабы уничтожить земство и дворянство представительное обратить в чиновников. Успели в этом. Но вместе с сим приходится и армию обратить вместо защиты внешних пределов на охрану внутреннего спокойствия—обратить в полицейскую силу. Результаты могут получиться печальные. Девизы: побольше чиновников, и другой: полное ко всем недоверие, и третий: все пристегнуть к министерству финансов—до добра не доведут.

1 декабря.

Сегодня посетил меня д. с. с. Безобразов, один из нештатных советников по делам Дальнего Востока. Просил принять, так как он прямо из Ливадии и имел до меня дело по указанию его величества. Удивительно развязный. В его объяснениях, очень туманных, слова *я и государь* идут одно за другим. Слова *я, Витте, Ламсдорф* произ-

¹⁾ В оригинале эта фамилия пишется то „Хлоповы“, то „Клоповы“. (Прим. ред.)

посятся с осуждением деятельности сих министров. Все путают, никто ничего не понимает, и лишь он, Безобразов, спасает русское дело. Теперь, по словам Безобразова, государь посылает его в Порт-Артур, дабы оттуда руководить корейскими и маньчжурскими концессиями. Он тоже, по его словам, везет особые полномочия Алексееву, дабы действовать в южной Маньчжурии тайными средствами противно нашим обещаниям. Я вынудил Безобразова высказаться: что же это за тайные средства. По его словам, они должны заключаться в следующем: Витте и Ламсдорф должны открыть всю южную Маньчжурию иностранцам и иностранным предприятиям. Алексеев не должен им мешать. Но затем должны явиться на сцену послушные нам хунхузы, и предприятия лопаются, люди исчезают... И в такую-то недостойную России деятельность разные проходимцы, вроде Безобразова, впутывают нашего государя, конечно, без его ведома и разрешения.

Я ответил Безобразову предостережением, что такой образ действий навлечет на нас только позор. Относительно Кореи я настоятельно указывал, чтобы там мы возможно менее поселяли русских людей. Что мне всего опаснее представляется то положение, когда наших людей начнут резать, и потребуются первоначально небольшие экспедиции, и потом вспыхнет война с Японией.

3 декабря.

Сегодня был принят государыней императрицей Марией Федоровной в Гатчине. Очень вежлива. Много расспрашивала, но прежней сердечности нет: все не может простить уничтожения финских войск. Расспрашивала про Ливанию, про Болгарию, про македонские дела. Говорила про правительственный циркуляр. Подняла свой кулачок и сказала: «Вот это надо бы показать туркам».

Князь Шервашидзе, состоящий при государыне, горячо нападал (после моего приема у государыни) на существующие порядки в России. Говорил, что теперь все в подозрении, что никто не может чувствовать себя спокойно даже дома. Особенно нападал на утеснения в Финляндии (он женат на дочери барона Николаи—шведа).

Министр юстиции Муравьев, с которым я завтракал сегодня, продолжает мрачно смотреть на будущее. Он говорил, что надо найти тот или другой выход. Что продолжать существующий порядок невозможно. Что ему представляется вероятным, что мы выйдем в войну, только чтобы выйти из тяжелого внутреннего положения. Шутя говорил мне, чтобы ему после войны предоставили звание константинопольского генерал-губернатора. Говорил, что ему его министерское служение стало не в моготу, что он своих коллег видеть не может, что сидение в комитете министров и государственном совете ему противно.

Конечно, побранил Витте. Упрекнул его, что он не поддержал Ковалевского, а выбросил его за борт, как балласт с воздушного шара, чтобы еще немного подняться кверху. Что Ковалевский невинно. Векселя были действительно подделаны.

8 декабря.

Вчера было продолжительное заседание государственного совета по рассмотрению представления Сипягина, переделанного Плеве, об устройстве земского хозяйства в 13 губерниях. Плеве в общем поддерживал чиновничий проект Сипягина, в котором от положения о земских учреждениях осталось только название, но все же пошел на уступки. Для 4-х губерний: Архангельской, Астраханской, Ставропольской и Оренбургской полагает вовсе пока не распространять. В остальных вводить постепенно, начав с Витебской, Минской и Могилевской. Проектирует усилить уездное земское представительство, образовав земские уездные управы и пр. В заседании сторонники не умаления, а усиления земства в России повернули дело так, что этот односторонний проект будет применен пока к указанным выше трем губерниям. Мною подано мнение о необходимости усилить местное представительство в уездной управе.

Витте сделал яростную вылазку против государственного контроля. Во всеуслышание заявил и несколько раз повторил, что существующий государственный контроль мертвит всякое дело, к которому приставлен, а на возражение Лобко, что он еще ничего не умертвил, и ссылки на железнодорожное хозяйство С. Ю. Витте заявил мне, что это хозяйство уже умерщвлено контролем. Что Татаринов в свое время предложил формы контроля и дал рубашку (формы), пригодную на рост человека, и теперь мы ту же рубашку напяливаем на слона. Очевидно, что она трещит по швам.

Заметил себе эту вылазку, дабы при случае сделать вылазку и против Витте.

В антракте за кофе Витте в хорошем настроении духа напал на мое заступничество за земство и говорил другим членам государственного совета: Алексей Николаевич, наш будущий главнокомандующий на войне, в военное время нас всех повесит. Надо соединиться в мирное время против него и повесить ранее его. Я ответил: почему он боится быть повешенным только в военное время. Если государь мне прикажет, то я повешу его и в мирное время.

Затем Витте осуждал робкие действия наших войск при усмирении беспорядков в Ростове. Я серьезно сказал ему, что действия были осторожны и, слава богу, достигли своей цели без большого пролития крови, но что нам легче идти на любой штурм, чем стрелять по беззащитной толпе. Что не надо так действовать по внутренним делам, чтобы такая необходимость участия войск являлась. Что это развращает войска и может привести те или другие отдельные части их к неповиновению.

Видел третьего дня Сергея Александровича и вел. кн. Елизавету Федоровну, долго сидел у них. Сергей не скрывает своего огорчения по истории с Павлом Александровичем. Явился устраивать детей. Говоря о болгарских делах, назвал Фердинанда хитрецом и большою шельмой.

Елизавета Федоровна жаловалась, что в принятом ею на свое попечение институте для дочерей военнослужащих (в Москве, бывший Чертова) дело не идет так, как бы ей хотелось. Что нет достаточной простоты. Много требований лишних для простых офицерских семей, многое недостает.

17 декабря.

Сегодня на докладе государю говорил о разговорах со мной Безобразова и Абаза по корейскому предпринятию. Требуется командировать подп. Мадритова для содействия неясным еще для меня целям нашим в этом деле. Говорил государю, что Мадритов не может быть подчинен Безобразову, но что я командую его в распоряжение адм. Алексеева. Государь одобрил это. Затем я доложил государю мои советы Безобразову и Абаза: изображать собаку на сене, дабы из концессий в Корее, на корейской границе и в Маньчжурии на корейско-маньчжурской границе создать полосу земли пустынной и труднопроходимой для разделения сфер влияния русской и японской. Что самое главное—не создавать поводов к возможному столкновению нашему с японцами. Государь одобрил это и в свою очередь сказал: «Никким образом дело это не должно создать нам затруднений».

Просил государя командировать кого-либо в Сербию для участия в военном торжестве взятия Ниша 29 декабря. Там сербы взяли 267 орудий, 13 тысяч ружей.

Тогда при войсках сербских находился Бобриков 2-й. Его государь и разрешил командировать, придав ему полк. Таубе, бывшего в Сербии военного агента. Конечно, прикажут не бряцать понапрасну оружием, дабы не испортить впечатления миролюбивой миссии гр. Ламсдорфа. Государь долго думал, прежде чем согласиться на это.

Тогда же я получил разрешение напечатать в «Русском Инвалиде» статью объективного характера относительно истинного значения участия румын в плевнинских делах. Румыны, никем не оспариваемые, так зазнались, что ныне главную честь овладения Плевной приписывают себе.

Эти дни прошли в праздновании столетия пажеского корпуса. Раздули эти праздники не мало. Точно ниго и нигде в России ничего, кроме пажей, не делал. Но все прошло гладко. В Зимнем дворце обедало 1.500 человек. Остзеец Рихтер не утерпел, чтобы не поработать при сем и для Германии. Совершенно неожиданно для меня оказалась приглашенной депутация: 5 кадет и 2 офицера берлинского кадетского корпуса. Заценка—что некоторые кадеты сего корпуса несут обязанности пажей. Тем не менее оказалось, что с немцами мы праздновали, а французов сен-сирцев забыли... Гаупо.